

Николай Викторович
Кузнецов

ТОЧКА ВОЗВРАТА

рассказы

Николай Кузнецов

Точка возврата. Рассказы

«Издательские решения»

Кузнецов Н. В.

Точка возврата. Рассказы / Н. В. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939272-5

Маленькие рассказы про людей, про войну, про любовь, и еще много чего интересного. Для вас, мои дорогие читатели... и не только...

ISBN 978-5-44-939272-5

© Кузнецов Н. В.
© Издательские решения

Содержание

Капитан полиции	6
Курсант	8
Хороший человек	10
Анна и Александра	12
Автобус	14
На балу	16
Куда уходят умирать коты	18
Письма. Восток – Запад	19
Она идет по жизни, смеясь	21
Худсовет	22
Пикник на обочине Шелкового пути	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Точка возврата Рассказы

Николай Викторович Кузнецов

© Николай Викторович Кузнецов, 2019

ISBN 978-5-4493-9272-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Капитан полиции

Много лет назад. Выпуск школы милиции.

– Равняйся смир-на, равнение на пра-во.

Ряд молодых парней в милицейской форме, чеканя шаг, проходит перед трибуной.

Золото погон, четкий ритм строевого шага – идут выпускники А..ой школы милиции.

Вчерашние курсанты, еще мальчишки, они сегодня впервые надели форму офицера милиции. И эти две золотые звездочки, такие маленькие на погонах, означают, что вчерашние мальчишки сегодня стали офицерами милиции. И что впереди их ждет нелегкая служба. Бессонные ночи, измотанные нервы и испорченное здоровье. И, огромное спасибо от тех людей, которым они смогут помочь...

Но все это будет потом, а сейчас, чеканя шаг, идут молодые лейтенанты на плацу.

– И р-раз, – они уже прошли перед трибунами, но это еще не конец. На самом краю плаца стоят городские жители и приезжие, среди них родственники сегодняшних лейтенантов, друзья и любимые. Которые только и ждут, когда можно поздравить молодых офицеров.

А еще, десятки мальчишек вокруг смотрят восхищенными глазами на строй молодых офицеров и чего-то ожидают.

Строй лейтенантов поравнялся с «гражданскими», и вновь раздается команда:

– И два, – из сотни молодых глоток раздается раскатистое, – Ур-ра-а,

Одной рукой офицеры кидают в воздух пригоршни монет, заранее припрятанных в кармане парадного мундира. А другой рукой подкидывают в воздух фуражки.

– Стой, раз, два. Разойдись, – раздается команда. Вот теперь для мальчишек и наступает «самое то». Веселой гурьбой кидаются они подбирать мелочь...

– Безобразие, – вздыхает на трибуне, заместитель начальника школы милиции.

– Что поделаешь? Традиция, товарищ полковник. Мы в свое время, тоже кидали монетки, а еще в ночь перед выпуском, на центральной площади, на памятник, мундир одевали и фуражку милицейскую...

2011 год. Южный город.

В десять ноль-ноль, по местному времени вся городская полиция была поднята по тревоге. Информация поступала самая противоречивая. В первых сводках говорилось о нападении на сотрудников Городской администрации, потом поступила информация об ограблении оружейного магазина. При этом пострадали гражданские лица, сотрудники вневедомственной охраны были убиты неизвестным преступником.

Офицеры экипажа отдельного батальона дорожной полиции прочесывали город, по рации передали, что по зданию администрации города, был произведен выстрел из гранатомета. После, еще дополнительно обстреляв здание из автоматического оружия, преступник направился в центр города.

– Мужики, что творится, это в нашем-то У..ске?

– Это война. Он уже троих наших положил и гражданских несколько человек

– Куда он денется, возьмем его товарищ капитан. Обложили со всех сторон.

– Там в центре много людей сейчас, а он именно туда бежит...

Т-ов, тридцать четыре года, террорист, час назад, глядя в глаза соседям, – я вас не трону. У меня свои счеты. – Зажимая раненую руку, Т-ов взяв из дома гранатомет РПГ-26 и автомат Калашникова, уехал на угнанной машине по направлению центра города. После стрельбы по зданию администрации, колесил по городу. Машина пришла в негодность. Пришлось идти пешком.

«Где людно, там надежно. Стрелять побоятся.– Размышлял террорист.

Со слов Сергея Ф-ко, инспектора дорожной полиции: «По радиации передали, что он возле драмтеатра. Мы поехали. Люди показали, что он убежал в направлении дворов. Мы на машине туда, а он из-за угла начал стрелять. Из автомата. Пуля попала мне в ногу».

Т-ов решил уходить через дворы, тут его заметил наряд конной полиции. Он открыл по ним стрельбу, смог вырваться и вышел на одну из центральных улиц города.

– Вот он, остановите, товарищ капитан. – Экипаж капитана Ма-ева оказался ближе всех к преступнику.

Со слов очевидцев того момента по улице Победы шел мужчина с автоматом, выкрикивая угрозы и ругаясь, Офицеры уже получили по радиации сводку, что возможна причастность преступника к одной из террористических группировок.

Выскочив из машины, полицейские взяли преступника в оборот:

– Стоять, не двигаться. Руки за голову.

Криво улыбаясь, держа в одной руке автомат, Т-ов бросил автомат на землю и поднял вверх правую руку. Левую он прижимал к себе, видно было, что левая рука ранена и с нее капала сквозь повязку кровь.

Полицейские стояли вокруг террориста,

– Не двигаться, – предупредил капитан Ма-ев и огляделся вокруг. Неподалеку стояли прохожие, зеваки и полицейские. А немногим по дальше, текла обычная жизнь южно – казахстанского города. Люди ехали в машинах, шли по своим делам. Они даже и не догадывались, что здесь происходит...

– Что поймал меня, капитан? Не дожدهшься. Как я вас всех ненавижу, – Т-ов поднял левую руку, – из под раненой руки выскользнул небольшой предмет. Террорист подтолкнул его ногой,

– Что теперь будешь делать капитан?

«...самодельное взрывное устройство, примерно грамм двести в тротиловом эквиваленте, зона поражения, метров пятьдесят.– Строки из курса школы милиции всплыли сами собой в голове офицера. – А вокруг много гражданских...»

В пятнадцати метрах от места происшествия стояла девушка, сотрудница одной из фирм, расположенных в здании, возле которого стоял террорист и полицейские. Широко распахнув глаза, она не могла сделать ни шагу. На ее глазах террорист бросил что-то себе под ноги...

«...зона поражения составляет метров пятьдесят», – еще успел подумать капитан дорожной полиции Иван Ма-ев, – а вокруг так много «гражданских», – и накрыл своим телом взрывное устройство...

Жертвами теракта стали семь человек, пять из которых полицейские. Ранения получили еще трое полицейских, двое из них пока остаются в больнице. На месте гибели сотрудников полиции целыми днями лежат свежие цветы...

P.S. На основе реальных событий, произошедших в моем родном городе Таразе, на юге Казахстана в 2011 году.

Курсант

Курсант пятого курса Ташкентского Высшего Общевоинского Командного Училища, в простонародье ТВОКУ, Виктор Сергеев был в отчаянье. Все нормальные мужики еще на 3 и 4 курсах по перезнакомились с девицами из прилегающего небольшого узбекского городка. Благо в нем помимо военных располагались и медучилище и кулинарный техникум. В коих, вышеозначенных девиц, было видимо невидимо. А кое-кто из курсантов старших курсов уже успели и пожениться. И теперь пользовались всеми преимуществами семейной жизни, жили в семейной общаге или снимали квартиры.

Вообще в курсантской среде считалось хорошим тоном иметь знакомую девушку после 3 курса. Первые два года в счет не шли, постоянная муштра, жите-бытие в казарме. Куда там уж до девушек. Сил оставалось после занятий только доползти к умывальникам, вечером, ополоснуться и упасть в кровать. А вот постарше курсы из казармы переводились в комнаты типа общежития, кто по четыре человека, кто по два. И как уже было сказано, «женатики» пользовались дополнительными преимуществами. Да и как-то было принято в Советской Армии, что молодой офицер приезжает на новое место службы обязательно с женой, примета такая.

И вот теперь, без пяти минут, выпускник Сергеев, сидел в позе мыслителя и думал нелегкую свою думу. Сказать, что он был «букой» нельзя, в любой компании он всегда умел поддержать интерес, пошутить и вообще задать тон. Но вот познакомиться все как-то не получалось. В больших компаниях, все уже были по парочкам и свободных девиц не наблюдалось. А в одиночку, курсанту Сергееву, не фартило. Вот и сейчас сосед по комнате, и закадычный дружок Андрюха, разливался соловьем:

– «Витек, я вчера с такими девчонками познакомился. Представляешь, подружки, обе из медучилища, будущие медсестры или опосля врачихи, вау. Одна блондинка, другая рыженькая, стоят скучают. Я им типа, – Салют девчонки, скучаете. Они мне – Хи- Хи- Хи-. Так и познакомилась. Сегодня вечером встречаюсь с ними, возле памятника Пушкину, пойду на штурм»

«Вот гад. Друг называется. Меня брать с собою не стал, сам значит в одиночку», – размышлял Сергеев, – «Надо что-то придумать. Но что? Связать его, что-ли. Не прокатит».

Тут на глаза ему попала увольнительная записка, выписанная на имя Андрюхи, на сегодняшний вечер. Точно такая-же лежала у Виктора в кармане. Сегодня после обеда курсанты, отличившиеся на вчерашних занятиях, получили увольнительные на сегодняшний вечер из рук начальника училища, в качестве поощрения, за отличную учебу. Коварный план созрел мгновенно. – «Без увольнительной записки, „фик вам“ товарищ курсант, а не „увал“. Придется вам товарищ курсант, сегодня вечером, посмотреть телевизор». И записка поясняющая, что курсант Андрей Белобородько сегодня имеет полное право наслаждаться жизнью в вечернем городе, в обществе приятных девиц, исчезла в кулаке курсанта Сергеева.

– Витек, ты мою «увалку» не видал?

– Чего надо? – Виктор, глядя «честными» глазами на своего друга, спросил еще раз,

– Потерял что ли,

– Да вот, увольнительная лежала, где то здесь, чего-то найти не могу, – растерянный

Белобородько шарил по тумбочкам,

– Может запала, где-нибудь, ты посмотри повнимательнее.

– Ой, блин, куда я её мог засунуть?

– Да, фигово конечно, ты поищи, давай я тоже посмотрю...

Уже ближе к вечеру, идя на площадь к памятнику Пушкина, Виктор размышлял:

«Конечно, не красиво, с моей стороны, но? Есть такая наука, – „военная хитрость“ называется. Да ладно, потом Андрюхе пива пару кружек поставлю, если что».

Возле памятника стояли две девушки. Блондинка и рыженькая.

– Девушки вы меня ждете, – изобразил галантность вероломный друг,

– Ой, курсантик, да не тот, – развесились девицы,

– Девушки открою вам страшную военную тайну, – тут курсант сделал загадочный вид, –

Вы Андрея ждете?

– А что с ним случилось? Скажите, а то мы ждем, ждем, – загалдели девицы,

– Да так, командование послало выполнять особо секретное задание, – тут начинающий интриган, в форме курсанта 5 курса, военного училища, сделал многозначительную паузу.

– Ой, как жаль, а мы хотели с Андрюшей погулять в кино сегодня,

– Но как будущий офицер, и дабы не уронить честь Советской Армии, предлагаю вам, дамы, провести вечер в моем обществе. Гарантирую массу свежих анекдотов, и «совершенно секретные» истории из солдатской жизни.

– А может, для начала, познакомимся, – не удержалась блондинка,

– Виноват, дамы. Меня зовут Виктор, что с древнего языка означает Победитель,

– Хи-хи-хи, а нас зовут: Марина, – блондинка сделала шуточный книксен, – а мою подругу зовут Лиза...

«Хороши девчонки, а особенно рыженькая, Лиза», – пронеслось в голове курсанта, а руки уже делали свое дело. Взяв хихикающих девиц «под белые ручки», он пошел вперед, по скверикам вечернего города...

Уже несколько позже, когда Марине стало нехорошо после выпитой газировки, и её отправили домой, Виктор, идя с Лизой по вечернему городу, развлекал её историями из курсантской жизни:

– ... и вот тут, мой парашют как дернет меня, ну думаю все, крындец ко мне подкрался незаметно,

– Ах, и вы не разбились, – в глазах будущего медработника плескалось восхищение пополам с восторгом,

– Да какое там, я ж все-таки десантник, у меня же есть запасной парашют, я купол основного отстегнул и «запаску» – кольцо дернул. А тут земля уже вот, перед носом. Ба- бах,

– Ой, мамочки, и что?

– Да так, – тут Виктор горделиво выпятил грудь, – десант сила, парашют запасной раскрылся вовремя...

Вот так, когда-то, познакомились мои родители...

Хороший человек

– Ой, Сережка, какой ты молодец все-таки. В Париж, в Париж на Рождество поедем. Ура, – тут Леночка хлопнула в ладоши и, как полагается образцовой жене, расцеловала супруга в обе щеки. – Это же надо, провести Рождество в Париже. А тебе, что премию выдали, ты же сам говорил, что работы много?

– Где наша не пропадала, завтра или послезавтра должны премию выписать. А тур в Париж я уже присмотрел для нас. Вот сегодня проект сдам, и все будет у нас о, Кей.

– Какой ты у меня молодец Сережка...

Через полчаса, на другом конце города, Сергей шел быстро по улице. На плече у него висела большая спортивная сумка с тяжелым свертком внутри. Одет он был в красную спортивную куртку и ярко-синюю спортивную шапочку. Осторожно обходя лужи новыми кроссовками и стараясь не запачкать новые джинсы, он чуть не врезался в стоявшую посреди улицы старушку.

– Бабуля, вы, что тут стоите? Я вас, чуть не сшиб.

– Ой, простите, молодой человек. Зазевалась я. Я тут кота своего Василия ишу, вышел погулять, а тут собаки. Вот он и удрал. Мяукает где-то рядом, а я старая и слепая стала, понять не могу, где? Вот и стою на дороге. Помогите молодой человек, пожалуйста. Васька он у меня добрый, но пугливый, дурачок. Небось, забился в подворотне, где-нибудь и сидит. Сергей прислушался, кошачий «мяв» было слышно в отдалении, по направлению к группе кустов и деревьев.

– Да вон там мяукает, ваш наверное, красавец. В кусты залез, скорее всего.

– Парень ты достань его, а. Куда уже мне старой по кустам и деревьям лазить.

Сергей оглянулся, в этот полуденный час на улице практически никого не было, даже вездесущих мальчишек. «Дал бы пацанам „стольник“, мигом бы кота приперли. Так нет никого, придется самому», – посмотрел на часы, – «ладно, время еще есть немного». После нескольких минут возни в кустах и кошачьих воплей, кот был захвачен и арестован. И приведен к своей хозяйке.

– Ой, большое вам спасибо, молодой человек.

– Да ладно вам бабуля, свои люди, как говорится...

Прошло двадцать минут, у подъезда «энного» дома-пятиэтажки. Маленькая девочка стоит и громко плачет.

– Эй, а ты что ревешь, красавица, а?

– А-а-а-а, у меня мальчишки мячик забрали, а-а-а-а.

– А тебя как зовут?

– Маша.

Сергей поставил тяжеловатую сумку на асфальтовую дорожку, и продекламировал детский стишок:

– Наша Маша громко плачет,

Уронила в речку мячик,

Тише Машенька не плачь...

– Короче, дядя Сережа отберет у плохих мальчишек твой мячик, – Сергей сбился со стихотворного тона и оглянулся в поисках «злодеев». «Злодеи», чуть постарше Маши, стояли на расстоянии десяти шагов от подъезда и лениво попинывали ярко-желтый мячик. Сергей грозно насупил брови и унтер-офицерским баском прикрикнул на «малолетних преступников»:

– Эй, хулиганы, вы, почему хорошую девочку обидели? А? А кому надавать по толстой и наглой попе, а? А ну мячик сюда подали, я кому сказал.

Видя «грозного гражданина» – в красной куртке, с сердито насупленными бровями, представители «клуба юных хулиганов» сильно струхнули. И подали мячик в ту же секунду.

– Вы уйдете, а они потом опять меня обижать будут, – не успокоилась маленькая плакса.

– Я им потом так обижу. Эй, злодеи малолетние, смотреть на меня. Кто Машу обидит, тот будет иметь дело со мной. Всем понятно?

– Понятно, – унылым хором ответили «юные хулиганы»...

Еще через десяток минут, северо-восточный угол крыши, того же здания. Он огляделся и поставил сумку. Снял куртку, вывернул её наизнанку. Из ярко-красной, она стала темно-серой. Яркая шапочка тоже была снята и убрана в сумку, вместо нее он достал кепи военного образца с длинным козырьком. Потом, надел на руки тонкие нитяные перчатки. Еще раз оглянувшись, снайпер достал из своей сумки тяжелый сверток. Развязав его, разложил металлические части на подстеленной тряпочке.

После нескольких четких и давно отработанных движений на свет проявилось чудо российской военной промышленности под названием: Снайперская винтовка «Винтарь-ВС», также известная в народе под названием «Винторез». Посмотрев на часы, он установил винтовку на заранее размеченное место. Сектор для стрельбы был как на ладони.

Свои последующие действия снайпер также выверил с точностью часового механизма:

«...путь отхода, через соседнюю крышу, три минуты. Чердак там не закрывается, подъезд выходит в противоположную от места акции сторону, еще семь минут. Метро в десяти шагах, винтовку с собой. Через две станции, выйти на перрон отдать сумку «своему человеку», пятнадцать минут. Бросить куртку и кепку в «мусорку». Взять в другом мусорном ящике, положенные туда заранее: пакет с вещами, одеть, еще пять минут. Ну а потом: сесть в поезд, в другую сторону и валить, валить, валить до самого городу Парижу. Да еще не забыть, получить премиальные, – тут Сергей задумался, – да, и Ленку прихватить с собой...

Время 12 часов, 45 минут. «А вот и наш клиент, как всегда точен». – Подведя красную точку лазерного целеуказателя, прямо в лоб клиента, вылезавшего его из черного Бэ-эм-Вэ, Сергей криво усмехнулся. И плавно нажимая на спусковой крючок, Снайпер еще подумал, – «а ведь тоже, для кого-то „хороший человек“»...

Анна и Александра

– Мама, ты что творишь? – Александра держала в руках яркую упаковку, что это?

– Сашулька, ну ладно тебе, это всего лишь БАД-ы, ну для похудания и нормализации работы желудка.

– Ну, мамуль ты, что, в самом деле? Куда тебе худеть? Ты ведь такая красивая у меня.

– Знаешь дочка, тебе до этого еще далеко, – и Анна, хитро прищурив глаз, критично оглядела свою дочку. – Э-эх мне бы твои двадцать восемь. Между прочим, меня в новый спектакль пригласили вместе с Димочкой Харатьяном, представляешь. Вот на Гоа съездим зимой, позагораем. А там и съемки начнутся.

– Мамуль, обещай мне, – больше не есть эту гадость, ну я прошу тебя. Твоя талия и так, как у меня. У тебя же желудок больной. Кстати ты в больницу ходила, проверилась?

– Да когда милая, сама ведь знаешь. С этими уродами, строителями пока разобрались, скоро суд будет, деньги хоть вернем. Да и съемками весь календарь забит, некогда болеть.

– Мама, ты же обещала мне, сходить в больницу и провериться.

– Ладно, Сашуля, вот на Индию будем документы готовить, как раз и проверюсь...

Через месяц, из-за усилившихся болей в желудке Анна Самохина пошла на прием к врачу и сдала все необходимые анализы.

Результат прозвучал как приговор: рак желудка, четвертой степени. Не операбельно.

Актриса легла в частную клинику, после первой же химиотерапии ей стало еще хуже. Врачи продержали ее два месяца на капельницах и, выписали Анну домой. Дома она пыталась лечиться народными средствами, но ей становилось только хуже. Родные Анны попытались вывезти ее за границу, но по результатам анализов от нее отказались врачи из немецких и израильских клиник. По их мнению, было уже слишком поздно.

И в начале февраля две тысячи десятого года Самохина Анна Владленовна принимает решение, она не хочет доставлять боль своим родным и близким, и поэтому решает отправиться в хоспис №3, в поселок Парголово.

Александра Самохина, дочь Анны, впоследствии рассказывала, что ее мать не хотела доставлять своим близким и родным излишних мучений и не хотела, чтобы ее видели такой...

Эта сильная и красивая женщина до последней минуты надеялась поправиться, несмотря ни на что, даже в хосписе, она оставалась по-прежнему красивой и в форме.

Днем седьмого февраля она разговаривала с дочерью и друзьями, была оживлена и весела. В два часа ночи, восьмого февраля, дежурная медсестре показалось, что она услышала колокольный звон. В этот момент сердце великой актрисы остановилось, и на пульте дежурной замигала лампочка.

Когда к ней зашли в палату, Анна лежала, как будто уснув с улыбкой на устах.

Говорят: когда человек умирает с улыбкой на устах, то это значит, что он легко покинул этот мир. И, что его ангел был с ним до конца...

Все знают кто такая Анна Самохина. Эта женщина буквально ворвалась в кинематограф конца восьмидесятых годов прошлого века. Ее роли в фильмах «Граф Монте-Кристо» и «Воры в законе» буквально вознесли вчерашнюю исполнительницу роли Бабы Яги, в театре юного зрителя, города Ростова на Дону, на вершины советского кинематографа.

Она яркая, красивая с огромными бездонными глазами влюбила в себя все мужское население страны. Роли посыпались одна за другой, за десяток лет Анна снялась во множестве фильмов. И всегда зрители ее видят как роковую, опасную красотку. Она певичка и она колдунья. Она хулиганка и бандитка, и она же романтическая героиня...

В ее фильмографии есть практически все: веселые комедии, детективы, романтические истории и мелодрамы. За четыре дня до смерти, четвертого февраля, министр культуры РФ Александр Авдеев подписал указ о присвоении Анне Самохиной звания заслуженной артистки России...

Через полтора года у Александры родилась дочь Ева. Из-за беременности и родов, Александра отказалась от участия в многообещающих съемках сериала из ста шестидесяти серий...

Говорят, внучка характером вся в свою знаменитую бабушку...

Автобус

Как-то поздновато, возвращаясь с работы, я сел в вечерний автобус. Время часа пик уже давно миновало, и людей в автобусе ехало немного. Глядишь в окно автобуса на ночной город и, как-то само собой, начинаешь дремать, состояние, как говорится «хрю» наступает. Вот тут-то я и обратил внимание на звуки, которые со всех сторон ненавязчиво атаковали мои барабанные перепонки:

Тихая мелодия из китайской автомагнитолы, сладким голосом восточной певички, нежно лилась по автобусу. То тут, то там раздавались трели мобильников и приглушенные разговоры:

- Дорогая я уже подъезжаю.
- Жди милый, еще три поворота и две остановки,
- Вот, вот подъезжаю,
- Проехал три остановки,
- Скоро буду...

Впрочем, для всех кто ездит в автобусах, подобная звуковая схема знакома. Но, помимо этого звукового настроения, диссонансом вплетались и дополнительные звуковые эффекты.

Я опять немного сверну в сторону, хотелось бы описать сам автобус. А это был старенький ПАЗ.

Сам не очень большой и вместительный, но по характеру «рабочая лошадка». Которая, долгие и долгие годы, честно и верно трудилась, на наше с вами благо. Насчет «старенький» не совсем верно. Есть: «ну очень старенькие Пазики». Это те, которые с круглой мордочкой и маленькими окнами.

Но, наш ПАЗ был несколько поновее и модель более поздняя. У этого и мордочка была более квадратной, и окна высокие, и широкие.

В принципе, это не важно, а так к слову пришлось, просто сам автобус издавал массу различных звуков. И не просто массу звуков, а целую: «Симфонию Старого Автобуса». Вот, перед остановкой, скрип тормозов идет снизу. Потом пневматика передней двери громко пыхтит, и сипло, так дыша, втягивает свой поршень и открывает переднюю дверцу. Люди входят и выходят из автобуса, а под ними скрипят и грозят отвалиться ступеньки автобуса.

Автобус начинает, стоная и кряхтя, набирать скорость. При этом коробка передач издает злобный скрежет и визг несмазанных шестеренок. На прямых и длинных отрезках маршрута, Пазик довольно резво несется по ночному городу и в гамму звуков добавляются новые мелодии:

«На скорости, от потока воздуха, громко хлопнула крышка люка на потолке. А сдвижные стекла в окнах начинают исполнять свое соло, тоненько дребезжа. И им в унисон начинают подпевать кожаные подушки сидений. Латаные и неоднократно чиненные подушки сидений, своими пружинами, этим скрипом и визгом, дополняют звуковую „Ораторию ночного автобуса“».

Тут опять хочется отвернуть немного в сторонку от нашего Пазы, и немного поразмыслить в глобальном, так сказать, фокусе. Не секрет, что старые автобусы, очень старые и не совсем старые автобусы Советского производства имеют свою неповторимую ауру. В отличие от автобусов немецкого производства и заполонивших в последнее время «китайцев». В принципе и сами «немчики», тоже не новенькие, а как минимум лет десять, а то и пятнадцать отрубили на автобанах Бундесвера. А китайцы, в первые три года своей эксплуатации выглядят как новенькие, а потом резко становятся «старенькими».

Но возьмем немецких «старичков». Ну блин, ну старый же гад. Видно же невооруженным глазом и приборная доска древняя. И краска выцвела кое-где. А выглядит как новенький.

И, что самое интересное, не скрипнет же нигде. И шестеренки, почему-то крутятся, как положено, и форточки не хлюпают. Но, когда едешь в нем то, кажется, что чего-то не хватает. И вот эта его, какая то стерильная чистота и красота внешнего вида, кажется нездешней, не нашей...

«Китайчата», особенно новенькие, тоже смотрятся «пипец» просто, но у них, почему-то это быстро проходит, И глядишь через парочку другую лет эксплуатации, китайчонок становится «просто тарантасом» на улицах нашего города.

Икарус – для тех, кто не жил при Советском Союзе, это слово ничего не значит. А тогда это было «у-у», что то с большой буквы.

Икарус единственный автобус на пространстве Советского Союза, чьи параметры, как и внешний вид, были близки к западным автобусам. Изготавливался в Венгрии и шел на экспорт, в СССР. В городах, на заполненных народом остановках, он возвышался как крейсер и как ледокол шел, в густых потоках масс транспорта и людей. Автобусы советских моделей проигрывали ему по всем статьям. Самые близкие по параметрам (и единственными конкурентами) были автобус ЛАЗ (Львовский автозавод) и ЛиАЗ (с города Липецка).

И вот, вспоминая ощущения детства, – поезди в Икарусе, это было что-то...

Сейчас Икарусов на городских маршрутах практически не осталось. ЛиАЗы еще ползают чиненные – перечиненные, ЛАЗы копят потихоньку, ну и конечно ПАЗики. Но вся эта братия доживает последние свои деньки. И садясь в навороченные современные автобусы, в их стерильную красоту, и беззвучие мы потом как-нибудь вспомним об ушедших старичках прошедшей авто эпохи...

А в данный момент под звуки СИМФОНИИ СТАРОГО АВТОБУСА, я подъехал, наконец-то, к своему дому.

На балу

*Графу Толстому Льву Николаевичу,
настоящему русскому писателю посвящается*

– Граф, а это правда, что про вас говорят?

– А, что про меня говорят?

– Ну, что вы очень темпераментный мужчина.

– Про меня такое говорят? Сударыня, я право польщен, – граф Лев Николаевич шелкнул каблуками по стойке смирно. Золотые эполеты парадного мундира участника Севастопольской войны весело блеснули. – Вы меня так в краску вгоните, Марина Александровна.

– Ну, полноте граф, так наши дамы говорят. А они знают в этом толк, – собеседница графа, великосветская львица, двадцати пяти лет, Марина Александровна, дочь того самого Павла Ивановича, который градоначальник... и при дворе... и «прочая, прочая»; кокетливо прикрываясь веером, оглядела фигуру графа:

Тридцатилетний мужчина в парадной, форме младшего лейтенанта, не блистал особенной красотой. Крепкая фигура, высокий рост, брюнет. Черные усищи «a la Kozak». Упрямый взгляд из-под насупленных бровей.

«Хотя, по мне: все эти салонные мальчики, мне так надоели. А про графа говорят, что он еще, о-го-го какой удалец», – мысли мелькнули в голове, а тем временем губы сами произносили слова:

– В самом деле, Лев Николаевич, еще про вас говорят, вы рассказы пишете, печтаетесь? Это так интересно.

– Да вот как-то пришло само по себе. Я, знаете ли, литературу и литераторов этих как-то не особенно уважал. Начал сочинять еще во время службы на Кавказе. В журналах кое-что напечатал. А уж, как попал на Севастопольскую войну, матушку вспомнил свою покойную. Я ведь не знал ее совсем. Только по рассказам моей тети. И как пошло все, поехало.

– Говорят, даже сам император Александр II похвалил ваши рассказы?

– Ну, не знаю Марина Александровна. Мне еще как-то об этом не докладывали.

– А, что вы делаете вечером Граф?

– Сегодня вечером, дайте подумать. Что я буду делать вечером? А знаете ли вы уважаемая Марина Александровна, когда я был на войне, я понял одну вещь.

– Позвольте спросить, и какую же?

– Да все просто. Делай все то, что должен сделать сейчас. Должен написать письмо – напиши. Должен приготовить себе обед – приготовь, должен выпить – выпей. Должен драться – дерись, а должен любить – люби. И ничего не откладывай на потом. А еще я понял цену человеческой жизни. Что же касается сегодняшнего вечера, я думаю его провести с одной очень милой мне особой.

– И как ее зовут? – лукаво улыбнулась дочь своей матери Анастасии Владимировны, лет двадцать тому назад гремевшей во всем своем великолепии на всех столичных балах и званых вечерах – приемах.

– Я думаю, ее зовут, ее зовут: Марина Александровна, – и прижав партнершу покрепче, граф закружил ее в ритме «Венского вальса».

– А вы шалун Лев Николаевич! – произнесла Марина Александровна, через несколько минут, когда кончился тур вальса, и она смогла отдышаться. – Да, кстати, а что это за история со Скриповым?

– С этим мальчишкой? Да он, хлыщ салонный, дурак просто. Ну, не на дуэли же мне его убивать. Я ведь после войны, как-то охладел к бессмысленному убийству. Хотя, до войны, я на дуэлях немало кровушки-то пролил. В основном чужой и даже убил кое-кого.

– А Петенька то Скрипов, с ним то, что?

– Да пьяный дурачок, начал что-то такое про меня говорить. Ну а я...

– И, что вы?

– Да по мордасам ему надавал просто и все.

– Фу граф, как непристойно, «по мордасам», скажете тоже.

– А, что сударыня, здесь такого? Дать по морде наглецу и хаму, первое дело

– Вот вы, какой, Лев Николаевич. Принесите-ка мне лучше шампанского. Здесь так жарко стало.

– Эй, человек, – граф щелкнул пальцами пробежавшему мимо лакею, – шампанского для моей дамы. А мне голубчик водки стопочку...

Уже под утро, возвратясь домой, граф напишет в своем дневнике:

«Как мне надоела эта шальная и беспутная жизнь, как мне надоели эти „марципаны и анчоусы в томатном соусе“. Нет, все, пора возвращаться домой, к себе в имение. Да и жениться пора. Как там мои прекрасные соседки проживают Софья да Анна? Сейчас им уже должно исполниться лет по шестнадцать, барышни уже. Все, решено. Домой в свою Ясную Поляну. Природа, простая жизнь, буду писать романы и рассказы...»

Куда уходят умирать коты

*Никто средь человеческой суеты,
Не думал никогда – вы мне поверьте, —
Куда уходят умирать коты,
Чтоб нам не видеть их кошачьей смерти...
Ирина Гирлянова*

Есть такая кошачья страна, да та самая, куда уходят умирать коты. Там нет машин, нет злых людей. Нет страшных и жестоких собак. Зато есть зеленая трава, а в ней копошится масса различной мелкой живности и птичек, есть, где разгуляться кошачьим лапам и поохотиться кошачьим носам.

А еще там, в кошачьей стране, есть масса плюшевых игрушек и диванчиков, с запахами их любимых хозяев и каждой кошке есть, где понежиться и полежать.

И всегда, там стоит теплая и не жаркая солнечная погода, иногда выпадает дождик. Но, недолгий, и тогда кошки лезут под свои плюшевые диванчики, и смотрят, высунув свои носы под небесную капель, и ловят капельки своими шершавыми языками.

Есть отдельный загончик, для тех кошек, которые любят поиграться.

Там масса различных игрушек: резиновые мячики, деревянные кубики. Также: есть бумажные бантики на ниточках. Ведь каждая кошка, хоть раз в жизни, играла с забавным бантиком на ниточке.

А когда кошки, в кошачьей стране, устают от игр и нагуляются вдоволь, то к их услугам повсюду расставлены плошки с их любимыми угощениями: с вкусной жареной рыбкой и с кусочками копченой колбаски. Даже бабушкина кулебяка тоже есть в кошачьей стране.

И само собой речки текут с чистой водичкой...

Для кошек, любителей рыбной ловли, вдоль берегов речки с чистой водой, сидят рыбаки, которые каждую секунду вылавливают свежих окуней и лещей, выбрасывают их из воды. Кидают в маленькие свои ведерки и делают вид, что не видят кошек, которые хитро тащат из их ведерок свежую рыбку.

А по вечерам все кошки выходят на улицу, рассаживаются вокруг большого костра и начинают мурлыкать, каждая о своем: о своей кошачьей жизни, о тех, кто остался там, о тех, кого они любили в той, прошлой, своей кошачьей жизни.

Есть такая страна, куда уходят умирать коты, да и кошки тоже...

Письма. Восток – Запад

ЗАПАД:

«Гутен таг, майне либе! Привет мой маленький олененок с зелеными глазами, моя Хельма! Как вы там без меня? Как поживает наша матушка, фрау Дрекер, все также гоняет воробьев со своих гиацинтов? Выставленных на открытой веранде.

Знаешь, моя сладкая девочка, захотелось тебе написать большое письмо и рассказать тебе о нашей победоносной войне.

Гений нашего фюрера ведет наш немецкий народ! И хочется так встать и сказать громко-громко: Хайль Гитлер!

Я лишний раз убеждаюсь в его победоносном гении. Мы прошли всю Европу, без особых потерь. За какие-то считанные месяцы. В меня даже один раз стреляли, правда не попали. Потом мой напарник Курт Фогель, ты его не знаешь, он родом из Баварии, взял пулемет и как дал по всем этим жалким францушкам, так что щепки полетели.

Наш могучий тевтонский кулак, просто смял все их хваленое сопротивление. И опять я понял, как правы наши политические лидеры. Мы действительно самая сильная и молодая нация. И свое место под солнцем мы заберем себе, по праву сильного.

Как там поживает моя прелестная племянница Гретта? Когда я уходил на нашу славную войну, она была таким смешным карапузом, с большими бантами. Скажи ей, что после победы я привезу ей подарок: настоящую обезьянку. Помнится мне, она так смеялась, когда мы вместе ходили в Зоо. И стояли возле клетки с обезьянами».

Твой Руди.

Написано 19 июня 1941 года.

P.S. Хотел уже отправить письмо для тебя. Но мы подошли к русской границе вплотную. Все парни с нашего взвода, сегодня днем развлекались, разглядывая русских на другом берегу с помощью биноклей...

Почему-то мы все думали, что дойдем до русской границы и остановимся, это будет как бы отвлекающим маневром. А основной удар нашего тевтонского гения мы нанесем по ненавистным англичанам...

Но теперь, все так секретно. Мы в полной боевой готовности...

...прости милая, но больше писать не могу, вырежет цензура, надеюсь скоро встретиться с тобой...

ВОСТОК:

«Лизанька, малыш, я надеюсь, ты жива, не попала под бомбежку и успела вовремя эвакуироваться. И это письмо когда-нибудь дойдет до тебя. У нас здесь выдался маленький перекур, и я решил написать тебе небольшое письмецо.

Мы отступаем уже три или четыре дня, всюду разрушения и страдания наших советских людей.

Двадцать второго, когда начались бомбежки, мы находились в полях, на сборах. И поэтому практически не пострадали. После бомб мы, было, выдвинулись в сторону Бреста, но там уже были немцы.

Город разрушен весь в дыму и в огне, по небу летают фашистские самолеты и падают бомбы. В бинокль видно как идут танки и машины, пушки и солдаты фрицев. Их тьма-тьму-щая!!!

Наши командиры: ротный и политрук решили вести нас на восток, на соединение с нашими частями.

Нас всего сто двадцать пять человек, и у нас нет оружия. Нет, ну есть, конечно, но совсем чуть-чуть: там два пистолета у командиров, и десяток винтовок, да два ящика патронов. Но как воевать с этим?

Несколько наших бойцов сразу все побросали и ушли ночью. Комиссар сказал, что они враги народа, и подлые предатели.

А сейчас нам надо идти...

Ура! Мы сегодня нашли секретный склад оружия, в лесу. Его охраняли всего два солдата и один капитан. Как нам сказали позже, это был резервный склад оружия. Капитан, ну прямо какой-то дурак, все не хотел нам открывать. Орал, что нельзя поддаваться на провокацию, что скоро подойдут наши войска, и что всех нас ждет трибунал.

Ну, тут наши, уже не выдержали. А товарищ политрук, достал листок бумаги написал расписку и дал ее капитану охранявшему склад. А потом достал пистолет и навел его прямо в капитанский лоб, – ты говоришь, сука тыловая, через день эти винтовки будут уже у немцев. Если раньше, тебя и твой склад, танками не сровняют с землей.

Так вот культурно и вежливо мы смогли раздобыть для себя оружие, немного продуктов и патроны.

И опять мы идем. Немцы прут и прут. Силища несметная. Встретили нескольких солдат: оборванные, раненые, кто с оружием, кто без. Говорят, что надо сдаваться, что немец везде. И скорее всего, уже дошел до Москвы. За такие разговоры, этим сыкунам надавали по морде. Ротный пообещал расстрелять лично каждого провокатора.

Вышли на опушку леса, впереди маленькая деревня. Немцев в ней, не очень много.

Будет бой! Мне почему-то не страшно. Говорят, что это от глупости. Мол, не нюхали еще пороха. Ну, что же, там видно будет...

Твой Ванечка. Тридцатого июня сорок первого года.

Надеюсь, мы все-таки дойдем до регулярных частей Красной Армии, и я отправлю для тебя это письмо солдатской почтой».

Унтер-офицер армии вермахта Рудольф Дрехер погиб в битве под Сталинградом, в августе 1942 года.

Старшина роты, отдельного пехотного полка Красной Армии, Иван Золотарский. прошел всю войну.

В день великой победы, стоя на втором этаже имперской рейсхканцелярии он, вместе с друзьями однополчанами, пили шнапс и русскую водку.

Под ногами валялись рейсхмарки, медали и наградные листы нацистов...

Она идет по жизни, смеясь

*Она легка как ветер, нигде на свете,
Она лицом не ударит в грязь,
Испытанный способ решать вопросы,
Как будто их нет,
Во всем видеть солнечный свет...
А. Макаревич. Гр. «Машина времени».*

Семнадцать лет. Перед Ней открыты все пути. Она смеется, она счастлива. Она с отличием закончила школу. Поступила в престижный университет. Её улыбка освещает ей путь. Она молода и красива.

Двадцать пять лет. Давно позади учеба и диплом. У Неё отличная работа. Коллеги ее любят, начальство восхищается. Лучезарная ее улыбка светит еще ярче. Впереди восхитительная карьера.

Тридцать шесть лет. Позади неудачный брак, детей нет. Есть мимолетные романы и романчики. Она начальник регионального управления. Её любят, ей поклоняются, дарят цветы и престижные автомобили. Она все также красива и улыбчива.

Сорок шесть лет. По-прежнему, красива и улыбается своей ослепительной улыбкой. Недавно выложила на популярном блоге свои фотки. Тысячу и одну штуку. Её пляжные фото получили высокие оценки и сотни комментариев. Её улыбка, по-прежнему сияет. Теперь уже и на просторах интернета...

*Она идет по жизни, смеясь,
Встречаясь и прощаясь, не огорчаясь,
Что прощанья легки, а встречи на раз
И новые лица торопятся слиться,
В расплывчатый круг,
Как будто друзей и подруг,
Она идет по жизни, смеясь,
В гостях она как дома, где все знакомо,
Удача с ней, жизнь удалась,
И без исключенья, все с восхищеньем,
Смотрят ей вслед,
И не замечают, как плачет ночами,
Та, что идет по жизни, смеясь...*

Худсовет

Автор, несколько пришибленный и грустный, стоял посередине комнаты. В руках у молодого человека было два листка печатного текста. Шрифт «Таймс Нью Роман», кегль «двенадцать», слов шестьсот семьдесят, знаков четыре тысячи, двести двадцать. Прямо перед ним, на расстоянии вытянутой руки, сидела строгая комиссия Художественного совета (Худсовет). Как и водится в таких случаях, жюри было в составе: Первого и Второго рецензентов. Главного критика и его Заместителя. Также был сам, – Главный по орфографии и еще пара неприятных личностей в серых костюмах. Председательствовал в комиссии сам Главный редактор. Почетный член Литературной комиссии. Лауреат большой бронзовой медали по Орфографии и Синего диплома по современной литературной критике.

Первым взял слово, как самый младший, Второй рецензент,

– Господа, перед нами, с вашего позволения, человек, именующий себя автором. Что он держит в руках господ? А в руках он держит нечто. Нечто, именуемое литературным произведением. Целых два листка печатного текста. О чем нам это говорит господ?

– Простите Второй, – Зам. Главного критика, перебил, – я тут просто хотел добавить...

– Слово имеет Зам. Главного критика, – недовольно пробурчал Второй рецензент.

– Так вот господ, хочу продолжить мысль моего коллеги, Зам Главного критика кивнул в сторону Второго рецензента, – о чем нам говорит автор в своем произведении? Что он нам хочет предложить?

– Может просто, мои мысли? Может мое видение мира? – Автор робко попытался произнести хоть, что ни будь.

– Ах, оставьте. Автор, вы не автор, вы «Аффтар». Знакомо ли вам такое слово? Как у вас говорят в среде гениев-недоучек: «Многа букафф». Так вот автор, – тут Зам Главного критика, обличающее выставил палец на молодого автора. – У вас, уважаемый, слишком мало букв. Где это видано, чтобы уважающий себя автор сочинил, что ни будь подобное на четыре тысячи двести знаков, это неслыханно.

– В дополнение моего заместителя, – в дело вступил сам Главный критик, – мне совершенно неясна основная мысль текущего произведения, если это, возможно назвать литературным произведением? Совершенно нет идеи, квинтэссенции так сказать сущности, основополагающей нашего бытия. В то время, – тут Главный критик решил встать и принял обличающую позу,

– В то время, как наши отцы и деды строят светлое капиталистическое будущее. Некоторые молодые люди, отлынивая от насущных проблем существования и бытия, занимаются бумагомарательством и словоблудием. Забывают все информационные носители и каналы своими, так сказать, перлами. Вам молодой человек на завод бы, в качестве трудотерапии что ли. Или на поле, сою сеять. А что, господ? Соя ведь наш хлеб насущный, я ведь прав, господ?

– Э-э, Главный критик, вы бы по существу, сказали бы, что ни будь? – Главный редактор прервал своего разошедшегося коллегу. – По существу, пожалуйста.

– Простите Главный, так о чем это я? Ах да, вот о чем. В столь мало недопустимом, по объему, произведении сей молодой человек мало того, что не раскрыл роль существующей Правящей партии. Но даже на протяжении всех своих шестисот семидесяти слов, ни разу не упомянул не только фамилии, но даже и имени нашего Президента. А это я считаю недопустимой политической близорукостью. Я все сказал.

– У меня ведь рассказ о птичках, господ, – автор пожал плечами.

– Это не суть важно, уважаемый автор, – в дело вступил Первый критик. – Вы совершенно нарушили «ритмостилистику» повествования. У вас отсутствует завязка рассказа, нет развязки. Нет основополагающей мысли. В чем суть?

– Ну, это. В птичках, наверное. Я не знаю.

– Вот оно. Смотрите господа, сей Человек даже не знает, о чем он пишет.– Главный по орфографии даже захлопал в ладоши. – И этот, так сказать, автор пишет тексты и приносит их нам сюда. В Художественный Совет. Я, так навскидку, тут прикинул: на шестьсот семьдесят слов, сей молодой человек допустил пятьдесят три грамматических, двадцать пять орфографических и целых пятнадцать стилистических ошибок. Это просто безобразие господа. Такого мы допустить не можем.

– Извините, я проверял, – еле слышный голос, молодого человека, раздался в зале Худсовета. Я даже проверял на Орфокомпьютере, там не было ошибок. Или, он их не показал.

– Полное фуфло ваш орфокомпьютер. Небось, прошивка была давно устаревшей и не лицензионной. А? Молодой человек, надо пользоваться проверенными орфокомпьютерами в нашем департаменте Современной литературы. Тогда бы вы не допустили, столь неграмотного произведения.

– Я все исправлю.

– А вот этого не надо молодой человек. Не надо нам делать одолжений. Вы принесли нам свое произведение, совершенно не готовое для публикации, – Главный редактор стукнул кулаком по столу. – В то время, как во всем мире культура борется за звание самой культурной и грамотной составляющей человеческого социума. Во время всё поражающего финансового кризиса, мы не можем расходовать свое время и свои деньги на рассмотрение ваших, так сказать, перлов. Идите и работайте молодой человек.

– А как же птички?

– А, что птички? Пусть пока летают...

Пикник на обочине Шелкового пути

Вы бывали, когда-нибудь в казахской юрте? С виду столь легкомысленное сооружение, отличается, тем не менее, целым рядом положительных характеристик. Которые говорят в пользу, столь кажущейся легкомысленности сего объекта. И в самом деле: посреди бескрайней казахской степи, в сорокаградусную жару, находясь в юрте, вы совершенно не ощущаете дискомфорта. Напротив, даже некоторую прохладу. И пока гостеприимные хозяева угощают вас вкуснейшим бешбармаком, каурдаком, кумысом и прочими не менее достойными представителями степной кухни, у вас есть время осмотреться:

Само устройство юрты, как и все гениальное, довольно просто. Набор двухметровых планок, потом еще дополнительные планки с изгибом на конце для крыши, деревянное кольцо – круг, дверная коробка. Самое основное это кошма, по-русски если сказать, то это обычный войлок. (Из него еще делают валенки), в основе её овечья шерсть. Только раскатанная в плотный лист. И этими самыми листами кошмы и оборачивается вся юрта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.